

Редко кто умел так слушать, как он

Имя Макса Волошина я услышала впервые от Бальмонта. Он писал мне из Парижа осенью 1902 года, что познакомился в Латинском квартале (кажется, на одной из своих лекций) с талантливым художником М. Волошиным, который “и стихи пишет”. В каждом письме похвалы ему возрастали. Бальмонт, видимо, заинтересовался и привязался к Максусу. Он писал, что они много бывают вместе, бродят по городу, Макс показывает ему уголки старого Парижа, доселе ему не известные. Писал, что разность взглядов и вкусов – Макс принадлежал к латинской культуре, изучал французских живописцев и поэтов, а Бальмонт был погружён в английскую поэзию, переводил Шелли, изучал Э. По – не мешали их сближению. К сожалению, я не могу привести подлинных слов Бальмонта из его писем, – слов нежных и восторженных о Максе: письма эти погибли на нашей парижской квартире во время войны 1914 года. Бальмонт писал мне очень часто, но в его письмах не было ничего фактического, это были или стихи, или мимолетные впечатления от книг, природы и встреч. О людях – мало, и по тому, что о Максе было сравнительно так много, я заключила, что эта встреча для Бальмонта значительна. Но из его слов нельзя было представить себе живого Макса, ни внешности его, ни даже возраста.

Я жила тогда в Москве со своей двухлетней девочкой Ниной.² От наших знакомых (не близких), вернувшихся тогда из Парижа, я слышала об их впечатлениях от Макса. Они встречали его вместе с Бальмонтом и давали мне понять, что общество Макса очень нежелательно для Бальмонта: Макс водит Бальмонта по ночным кабакам и

¹ **Екатерина Алексеевна Бальмонт** (урожд. Андреева, 1867-1950) – переводчица, вторая жена К. Д. Бальмонта. Ей посвящено стихотворение Волошина “Возлюби просторы мгновенья...” (1908). Е. А. Бальмонт свидетельствует, предваряя свои мемуарные записи, что М. С. Волошина «знала от Макса, какие мы с ним были большие друзья... Она подробно расспрашивала меня, когда и где мы встречались, общались. “Вот Вы и запишите всё, что Вы рассказываете о Максе, пусть будет бессвязно, не стесняйтесь формой, стилем”. Я так и сделала». (Текст воспоминаний Е. А. Бальмонт дается по рукописи, хранящейся в ДМВ.)

² Дочь К. Д. Бальмонта – Нина Константиновна Бальмонт (в замужестве Бруни, р. 1901).

спаивает его.¹ В общем, мне советовали сделать всё возможное, чтобы спасти Бальмонта от такого приятеля.

Курьёзно, что в то же время в Париже одна русская старушка писательница, очень любившая Макса, Александра Васильевна Гельштейн², у которой собирались французские художники и поэты, не позволила Максиму привести к ней своего нового друга Бальмонта, этого декадента и кутилу, и, любя Макса, в свою очередь, изыскивала способы спасти его от этой опасной дружбы. Несколько лет спустя Александра Васильевна познакомилась с Бальмонтом и горячо привязалась к нему. Подружившись впоследствии с ней, мы много смеялись, вспоминая, как мы собирались спасти: она – Макса, я – Бальмонта от дружбы, которая им обоим дала очень много.

Срок возвращения Бальмонта из заграничной ссылки кончался в мае. Бальмонт очень тосковал по России, и я, под влиянием его писем и слухов о его парижской жизни, стала хлопотать о его скорейшем возвращении. Съездила в Петербург, заручилась там рекомендательным письмом к Лопухину³, подала ему прошение, и вскоре Бальмонт получил разрешение вернуться в Россию⁴ и написал мне, что Макс едет в Москву и будет у меня раньше его.

Как-то раз я пошла отворить дверь няне с моей девочкой, возвратившейся с прогулки. К своему удивлению, я увидела Нину на руках у какого-то чужого человека. В первую минуту я испугалась, что с девочкой что-то случилось, так как знала, что добровольно она ни за что не пошла бы на руки к незнакомому, да ещё такого странного вида: маленький, толстый, в длинном студенческом зелёном пальто, очень потёртом, с чёрными, вместо золотых, пуговицами, в мягкой широкополой фетровой шляпе. Он ловким мягким движением поставил девочку на пол, снял шляпу, тряхнул кудрявой головой и, поправив пенсне, подошёл ко мне близко, робко и вместе с тем как-то твердо смотря мне в глаза, сказал: “Вы – Екатерина Алексеевна, я из Парижа, привёз вам привет от Константина. С Ниникой я уже познакомился – Волошин”⁵.

Это Волошин! Вот уж не таким представляла я его себе! Его молодое открытое лицо, сияющие сдержанной улыбкой глаза, крепкое ласковое пожатие маленькой руки — мне ужасно всё понравилось в нём. “Кто это Аморя? Похож он на меня? —

¹ К. Бальмонт страдал запоями, Волошин же всегда был равнодушен к алкоголю.

² Гельштейн Александра Васильевна (1850-1937) – участница народовольческих кружков, политэмигрантка, переводчица и писательница (псевдоним Баулер). Имела большое влияние на Волошина, познакомила его со многими деятелями французской культуры. Волошин посвятил А. В. Гельштейн, стихотворение “Старые письма” (1904), цикл “Алтари в пустыне” (1909), стихотворение “Весна” (1915).

³ Лопухин Алексей Александрович – в то время директор департамента полиции.

⁴ В 1902 году К. Бальмонт вынужден был уехать за границу. За публичное чтение своей сатиры на Николая II “Маленький султан” (в марте 1901 г.) поэт подвергся обыску и запрещению жить в столицах, губернских и университетских городах в течение трёх лет. В июне 1901 г. он уехал в Сабынино Курской губернии, где прожил до марта 1902 г., после чего и уехал за границу. Вернулся К. Бальмонт в Россию в январе 1903 г.

⁵ Знакомство Волошина с Е. А. Бальмонт и её дочерью относится, по-видимому, к 1903 г.

спросил он, входя в комнату. – Когда я нёс Нинику (меня тоже поразило, что он знал её имя) по лестнице, я у её няни спросил, где вы живете, и таким образом узнал, что это Ниника, – она пристально посмотрела мне в лицо и сказала: “Это не Аморя?” (Аморя (от лат. *amor* – любовь) – так в кругу близких называли Маргариту Сабашникову.)

Я засмеялась: “Так Нина называет мою племянницу Маргариту Васильевну”. – “А что же между нами общего?” – “Не знаю, разве белокурые вьющиеся волосы”, – сказала я.

Е. А. Бальмонт (Андреева)

Макс просидел у меня несколько часов. Прочёл по первой моей просьбе свои стихи “Ти-та-та, та-та-та”, только что написанные в вагоне, если я не ошибаюсь, по дороге в Россию. Мою девочку, которую я хотела удалить, он просил оставить. “Дети никогда не мешают”, – сказал он. И действительно, на этот раз Ниника не мешала, она уселась Максу на колени и прослушала много стихов – его и Бальмонта – и переводы Макса из Верхарна. На мои осторожные вопросы о Бальмонте Макс отвечал охотно, с горячим чувством к нему и восхищением его стихами. Я спросила его обиняком: правда ли, что Бальмонт изменил своей всегдашней привычке и обращает ночь в день? Макс очень спокойно сказал, что Бальмонт всё так же полдня проводит в библиотеке и читает до вечера. А не спит только, когда на него находит его беспокойное состояние. “А такие ночи вы проводили вместе?” — спросила я, стараясь, чтобы мой вопрос прозвучал возможно естественнее. “Разумеется,

его в такое время нельзя оставлять одного, Вы, верно, это знаете”. И он это сказал так просто и искренне, что я уже не сомневалась, что слухи, дошедшие до меня, ложны.

Когда потом, много позже, я видела, как Макс, всегда трезвый, ночью, иногда до утра, сопровождал Бальмонта в его скитаниях, заботливо охраняя его от столкновений и скандалов на улице или в ресторане, приводил его или в дом, или к себе, – я поняла, что так было с самого начала их знакомства. И Бальмонт, раздражавшийся на всех во время своих болезненных состояний и выводивший из себя самых близких ему людей, вызывая их своей запальчивостью на ссору, чуть ли не на драку, – никогда не злился на Макса, насколько я знаю. Скорей он избегал в такие моменты оставаться с ним.

В ту зиму Макс бывал у меня очень часто, познакомился у меня с Маргаритой Васильевной, смотрел, как она писала с меня портрет, неудавшийся и брошенный ею “именно потому, что Макс смотрел”, – поддразнивала она его. Они часто встречались у меня и оба возились с Ниникой, которая обожала их обоих и как-то всегда соединяла их в своём чувстве. Они играли с ней, смеялись, но между собой мало говорили. “Разве

с Максом можно говорить серьёзно?" – сказала как-то Маргарита Васильевна. "Я, по-вашему, не серьёзный человек?" – обиделся Макс. "И не серьёзный и уж конечно не человек". – "Кто же я?" – "Вы ребенок и... чудо", – шепотом сказала она мне.

Макс был очарован талантом в живописи Маргариты Васильевны. Он побывал в её семье и видел её две крупные работы: автопортрет маслом – поясной – и портрет ее кузины (Иванова Анна Николаевна (1877-1939)): девушка на балконе в старинном розовом платье с букетиком синих первоцветов в руке.

Макс познакомил нас в ту зиму с Борисовым-Мусатовым, впервые тогда привезшим свои картины в Москву¹. И нас поразило сходство его картин с вещами Маргариты Васильевны, сходство, о котором нам раньше говорил Макс. Маргарита Васильевна не знала тогда, у кого ей учиться: московские художники, у которых она занималась, не нравились ей, и Макс настойчиво убеждал её ехать учиться в Париж.

К весне Бальмонт вернулся из Парижа, и тогда Макс уже посещал нас ежедневно. Он перезнакомился за эту зиму со всеми поэтами: Брюсовым, Балтрушайтисом, Андреем Белым, с Сергеем Поляковым (Поляков Сергей Александрович (1874-1943) – переводчик, математик, редактор журнала "Весы") и "Грифом" (Соколов Сергей Алексеевич (1878-1936) – поэт (псевдоним Кречетов), владелец издательства "Гриф"). Если собирались не у нас, то мы все встречались у кого-нибудь из общих друзей. Макс всюду был желанным гостем. Его всюду заставляли читать свои стихи, что он делал всегда с огромным и нескрываемым удовольствием. К поэтам он вообще относился с совсем особенным чувством благоговейного восторга. Сам он в их обществе стушевывался, слушая их с глубочайшим вниманием. А если высказывал свои мысли, то всегда очень независимо, тоном мягким, но решительным. Тогда он не прибегал ещё так часто к парадоксам, которыми позднее любил поражать своих собеседников.

В Москве увлечение Максом не проходило. Один Брюсов находил, что "мода" на Макса длится слишком долго, и, вначале одоблив его и обласкав, вдруг стал обращаться с ним свысока. Меня поражало, что Макс как будто не замечал этой перемены тона и был с ним, как и с другими "мэтрами".

Мы много говорили с Максом о его новых знакомых, я рассказывала о поэтах, которых хорошо знала, о их семейных и литературных делах; Макс слушал очень внимательно – редко кто умел так слушать, как он, – иногда отмечал какую-то мелочь в моём рассказе и радовался ей, так как она завершала художественный образ того или иного поэта, но никогда никого не судил и не осуждал – ни разу за все долгие годы нашей дружбы с ним. Он любил знакомиться с людьми, кто бы они ни были, и никогда не отказывался пойти туда, куда его звали. Когда я спрашивала: "Макс, хотите пойти..." – он, не дослушивая, куда именно, отвечал: "Очень хочу". Так же, когда ему предлагали что-нибудь съесть: "Не хотите ли..." – Макс торопливо отвечал: "Всё хочу". Если совпадали два приглашения в один вечер, он устраивался так, чтобы

¹ Ошибка: художник В. Э. Борисов-Мусатов (1870-1905) – москвич. Он был вхож в семью Сабашниковых, и Волошина познакомила с ним, по-видимому, Маргарита Васильевна.

попасть на оба вечера. И огорчился, когда в буржуазных домах находили, что прийти к ним после 12-ти часов ночи – поздно.

В то же время он не изменял своей первой любви к Нинике, которой шёл 3-й год. Когда Бальмонт и я были заняты, он приходил прямо к ней в детскую, садился на ковёр (у них не было принято здороваться), и начиналась возня. Макс ползал на четвереньках и рычал, Нина садилась к нему на спину, держась за его волосы – “гриву льва”. Когда она той весной заболела, никто лучше Макса не умел уговорить её принять лекарство. Когда Макс с ней не играл, он рассказывал ей сказки и истории своего сочинения. Говорил он с ней совсем так же, как говорил со взрослыми, внимательно выслушивал её и возражал ей.

Как-то раз на одном из наших вторников было мало поэтов, и Макс, из вежливости посидев с гостями в столовой, ушёл рядом в детскую, захватив с собой несколько апельсинов. Я пошла за ним: “Нинике нельзя есть апельсины”. Мы были уже в детской. “Как мы будем играть?” – встретила его Нина. “В мячики, – ответил Макс. – Будем бросать их туда, – он открыл дверь в столовую. – В какого дяденьку хочешь?” – “В того”, – показала Нина неопределенно, и один апельсин полетел в Гайдебурова, другой – в Скитальца, третий она сама покатила в столовую. Макс затворил дверь, и началась другая игра. Года через два, в конце 1905 года, мы поехали с Бальмонтом жить в Париж, где уже, по настоянию Макса, жила Маргарита Васильевна и работала в художественной мастерской Жульена. Мы хотели поселиться поблизости от неё, но Латинский квартал был переполнен, и мы долго не могли найти себе комнат. Макс помогал нам всячески, он брал к себе в мастерскую Нинику или бегал со мной в поисках квартиры. Наконец мы попали на одну, очень нам подходящую. Но хозяйка этого пансиона, пожилая и очень чопорная дама, разговаривая со мной, все косилась на Макса и вдруг отказала мне решительно сдать комнаты. “Вам не подойдёт, у нас буржуазные порядки, у нас рано ложатся спать” и пр. Макс, видя моё отчаяние, что и это помещение срывается, стал убеждать хозяйку на своём “замечательном” французском языке: Макс говорил свободно и с недурным произношением, но путал члены и всегда вместо “Le” говорил “La” и наоборот¹. Французы, особенно простолюдины, не понимали его, и вообще с его французским языком было много курьёзов. Хозяйка пансиона не слушала его. “М-г Ваш муж?” – спросила она меня. “Нет, друг моего мужа”. – “Но это невозможно!” На другой день я пошла к ней со своей девочкой просить приютить нас хоть на время. Она согласилась, и мы прожили у неё два года и очень сблизились с ней. Она была полька, жившая в Париже, умная и образованная женщина. Она очень заинтересовалась Максом, когда познакомилась с ним ближе, и призналась мне, что не хотела пускать нас к себе из-за “ce drole de bonhomme” (*Этот чудак* (франц.)). Он поразил её своим странным видом. Несмотря на свой опыт, она не знала, к какому разряду людей его отнести. Всё в нём казалось ей непонятным и противоречивым, она даже не верила, что он поэт, как m-г Balmont: “Слишком у него проница-

¹ Думается, это недоразумение, основанное на том, что Волошин называл свою мать “Le mere”, пользуясь артиклем мужского рода и тем самым подчёркивая в шутку её мужественность.

тельный взгляд. Художник, а одет так безвкусно!" Макс ходил в широких бархатных брюках, как носили тогда рабочие, и при этом – в модных жилетах и пиджаках, а поверх надевал вместо пальто накидку с капюшоном и цилиндр. "Похож на доброго ребёнка, но есть что-то и от шарлатана и магнетизера". На это я ей сказала, что у Макса действительно есть магнетическая сила, он наложением рук излечивал нервные боли, что я и многие мои знакомые испытывали на себе. После того как он однажды, рассматривая ладони нашей хозяйки, стал полусуто говорить о её характере и её прошлом "вещи, которые никто-никто не знал", – она убедилась, что Макс – человек необычайный, на самом деле оригинал, и притом искренний и правдивый, что её больше всего удивляло.

Макс часто бывал у нас, и мы у него. Он жил недалеко от нас на улице Эдгара Кинэ¹. Ниника любила особенно бывать у Макса без меня. "Что же ты делала, рисовала?" — спрашивала я её, когда Макс приводил её домой. "Нет, не успела, мы играли". У них были свои разговоры, свои секреты. Раз, помню, мы пили чай у Макса. Он положил передо мной моё любимое печенье, перед Ниной – другое. Но Нина закапризничала: "Хочу, чтобы эти были мои". Макс моментально вскочил и, не надевая шляпы, сел на велосипед и укатил. Через несколько минут он вернулся с большим пакетом этого печенья и сказал Нине: "Это будет твоим". Сверток был так велик, что Нина его еле удерживала в руках. Макс ушёл с ней за перегородку, они пошептались, затем Нина появилась красная и взволнованная и не спускала глаз с головы Таиах², в которую Макс, как оказалось потом, опустил печенье. Раздобыть его оттуда была длинная процедура: Нина влезала на плечи к Максиму и оттуда доставала "своё" печенье. И этот запас никогда не истощался, так как Макс возобновлял его. Через много лет Нина уверяла, что в голове Таиах всегда лежали пуды печенья.

Надо заметить, что печенье это по Максиму карману было очень дорогое. Но Макс никогда не задумывался тратить деньги на других. Себе он мог отказать во всём, и без усилия. Денег у него всегда было в обрез. В лавках он брал в долг. И его поставщики верили ему, так как он расплачивался – для русского – необычайно аккуратно. Как только он получал деньги, тотчас же бежал расплачиваться со своими кредиторами. И иногда им же приходилось уговаривать его оставить себе хотя бы 10-15 франков. Когда у него просили займы, он никогда не отказывал, давал с восторгом и вообще делился всем, что у него было, – и не от избытка своего. Как бы трудно ему ни жилось, он ни в чём не менялся, никогда не жаловался. Многие думали, что он

¹ В Париже на бульваре Эдгара Кинэ (в доме № 16) Волошин жил с 5 октября 1905 г. по 20 мая 1906 г.

² Таиах – жена фараона Аменхотепа III, жившая в XV веке до н. э. "Голова Таиах" – гипсовый слепок с древнеегипетской скульптуры, приобретённый Волошиным в берлинском музее по пути в Париж. Этот слепок украшал парижскую мастерскую Волошина, а затем – его дом в Коктебеле. Волошин впервые увидел слепок с головы Таиах (копию скульптуры) в парижском музее Гиме летом 1904 года, и эта скульптура поразила его сходством с М. В. Сабашниковой, к которой в то время он испытывал глубокое чувство (см.: Купченко В. Муза меняет имя? — Советский музей. 1985. № 3).

беззаботен и легкомыслен, потому что ему не о чём страдать. Обмануть его ничего не стоило. Недобросовестные лавочники и консьержки пользовались его доверчивостью. Я как-то заметила Максу, что у него очень беспорядочно и пыльно стало в мастерской “Моей консьержке трудно убирать хорошо, так как она приходит ко мне поздно ночью и боится шуметь, когда я сплю”, – оправдывал он её. Я сказала ему, что никогда француженка не будет работать после 8-ми часов вечера и что она просто не приходит к нему, а берёт с него дорожку за ночную якобы работу. Это вскоре и подтвердилось, и Макс очень удивился моей прозорливости. Я вмешалась в это дело и нашла ему другую “менажку” (От французского “femme de menage” – приходящая работница). Старая взбесилась, и я слышала, как она раз сказала нищему, пришедшему за всегдашним своим подаянием к Макс: М-г Макса нет дома, а здесь сейчас хозяйничает его тетка – без него Вы ничего не получите. “Celle-la n'est pas une artiste!” (Это вам не артистка (франц.)) – сказала она ему, показывая на меня глазами.

И не только деньги давал Макс охотно, но время своё и силы. Он выслушивал стихи начинающих поэтов. Помню, как одна молоденькая девушка читала ему свою трагедию в 5-ти актах в продолжение долгих часов.

Отношение Макса к моей девочке совсем не было исключительным. Макс познакомил нас с Амфитеатровыми, у которых был сын Буба возраста моей девочки. Мы часто ездили к ним на виллу Монморанси, где дети играли в саду. Бубе Макс тоже уделял много внимания. Когда Макс бывал там, он выдумывал игры для детей, чтобы отвлечь их от нас, матерей. Так раз, помню, дети долго и тихо занимались одни, к нашему удивлению. Оказалось, что Макс вооружил их палками, посадил верхом на огромных сенбернаров, дремавших в передней Амфитеатровых, и уверил их, что они – конная стража, охраняют лестницу, и обещал приз тому, кто дольше просидит.

Когда Нине подарили акварельные краски, она забросила черные и разноцветные карандаши и малевала исключительно красками фантастические цветы и райских птиц с длинными хвостами, которые не помещались на листе писчей бумаги. Я не давала ей больших листов. Макс, восхищавшийся подбором красок в перьях этих хвостов, советовал мне не стеснять её, вообще предоставить ей полную свободу, воздержаться от всяких замечаний, поправок и т. д. Он тотчас же принёс ей большие листы слоновой бумаги и, так как они не помещались на нашем столе, прикрепил их к комоду, а Нина влезала на стул и малевала хвосты райских птиц и свои гигантские цветы. Она дарила свои рисунки только Макс, и он должен был (по её требованию) убирать их вместе со своими, а когда Нина приходила к нему в мастерскую, она проверяла – на месте ли рисунки. Через 2-3 года размеры её картин сократились, и она стала рисовать крошечные картинки, которые можно было

К. Бальмонт
Рис. М. Волошина

рассматривать чуть ли не в лупу. И я вспоминала, как Макс говорил, что “художники бывают непонятно причудливы”.

Весной того же года Макс женился в Москве на Маргарите Васильевне Сабашниковой, вернулся с ней в Париж на полгода и затем уехал вместе с ней жить в Россию. Ту зиму их отсутствия я прожила в их квартире на rue Singer (Улица Сэнже (франц.)). Летом 1909 года Макс вернулся уже один в Париж. Он путешествовал на велосипеде по Франции, ездил по берегу Луары¹ и заехал к нам на берег моря в Ла Боль, где мы проводили с Бальмонтом лето. У нас гостила тогда Татьяна Алексеевна Полиевктова² со своими тремя дочками – 10, 12 и 13-ти лет. Макс тотчас же подружился с ними. Ни одна прогулка детей уже не обходилась без него, они купались вместе, и дома все “четыре жены” “Синей бороды”, как он называл себя, не отходили от него.

Я знала, что Макс переживал тогда очень тяжёлое для него время. Но никто этого не замечал, так как он был весел и внимателен к другим, как всегда. Вообще, я никогда не видала человека более ровного в отношениях с людьми – я уже не говорю о друзьях. После нескольких лет разлуки Макс встречал Бальмонта и меня так, как будто мы виделись вчера. Поссорить Макса с кем-либо было мудрено, я думаю – просто невозможно. На него не действовали ни наговоры, ни интриги. Сплетен он не терпел, и при нём они умолкали сами собой.

Максу пришлось ехать с тремя девочками Полиевктовыми в Париж, где они провели вместе несколько дней. Макс водил своих “жён” в Лувр, катал их в Булонском лесу, учил стряпать французские блюда, и смех, и веселье не прекращались. Вечером, когда надо было идти спать и дети не хотели уходить, Макс сажал каждую девочку на простыню, завязывал в узел и уносил её по крутой лестнице в их комнату.

До сих пор (они все три – уже матери семейств) их лучезарное впечатление от пребывания в Париже неразрывно связано с Максом...

В Париже дружба с Ниникой продолжалась. Мы остались жить в Пасси, Макс переехал в Латинский квартал, и мы видались не так часто. Вспоминается мне один смешной эпизод из этого времени. Я жаловалась Максу, что Нина стала нервна и капризна, “Где она, твоя капризка?” – строго спросил Макс, надвигаясь на Нину. “Она вот там”, – сказала Нина, нисколько не испугавшись, и показала на большой Максин диван, который стоял у нас в передней рядом с большой корзиной. Эти две вещи не проходили в дверь наших комнат. Скоро диван увезли – “вместе с капризкой”, – сказал Макс. Потом оказалось, что “капризка” осталась у нас. “Она в корзине”, – уверяла Нина. В корзину эту Нина влезала и играла в ней часами. Наконец Максины друзья, жившие на той же улице, что и мы, согласились взять эту корзину. Только её некому было отнести туда. Макс предложил это сделать. Ниника подняла крик, она не хотела расставаться со своим “домом”. Макс убеждал её, что отнесёт корзину вместе с “капризкой” к её друзьям, детям, к которым переселится “капризка”, Но Нина залезла

¹ Волошин путешествовал по берегу Луары в июле 1908 г.

² Полиевктова Татьяна Алексеевна (урожд. Орешникова, 1877 – ок. 1962) – сестра Веры Алексеевны Зайцевой – жены писателя Бориса Константиновича Зайцева.

в корзину и не хотела выходить. Тогда Макс завязал ремни, взвалил огромную корзину вместе с Ниной на спину и понес её вниз по улице, несмотря на вопли перепуганной Нины. Из лавочек выглядывали любопытные. Принеся корзину, Макс выпустил Нину из неё только тогда, когда она уверила его, что оставит “капризку” в корзине. Моя дочь до сих пор помнит, какое потрясающее впечатление произвёл на неё этот случай и свирепая решительность Макса.

Макс вообще был очень силен физически. Он говорил, что вся сила его сосредоточена у него во лбу. Если он толкал кого-нибудь лбом в спину, этот человек не мог устоять на ногах. Как-то раз надо было спешно вызвать Бальмонта из его комнаты – он читал, сидя в своём кресле, и медлил идти – Макс подошёл к нему сзади и лбом выдвинул кресло с читающим в нём Бальмонтом в другую комнату.

На прогулках Макс был неутомим. Он водил нас – своих гостей – большой компанией по окрестностям Парижа: Версаль, Фонтенбло и др., которые знал очень хорошо и исходил вдоль и поперёк. Он всегда шёл впереди всех, один, очень быстро, всегда без дорог, и врзался в чащу, чтобы выйти “кратчайшим путём” (этот “кратчайший путь” вошёл у всех знакомых Макса в поговорку), часто водил нас совсем без дорог, и мы плутали часами. Все ворчали, отставали от Макса, и обыкновенно компания таяла.

Екатерина Бальмонт
Портрет маслом работы
М. В. Сабашниковой. 1909

Особенно запомнилась одна прогулка в Венсенский лес, когда мы, следуя за Максом, углубились в лес и не могли выйти из него часа три. Стало совершенно темно, и мы поняли, что Макс сбился с дороги и сам не знает, куда идти, куда нас вести. Макс обращал наше внимание на гигантские размеры деревьев, на заросли кругом. Кто-то заметил, что это, верно, та непроходимая часть леса, где прячутся грабители и апаши. Один русский молодой ученый, всю жизнь свою просидевший за книгами и никогда не видавший настоящего леса, затрясся от страха, две молодые девушки заплакали... Макс нас утешал: “Бродяги и грабители не сидят ночью в лесу, они выходят на улицы на свой промысел. А как бы интересна была такая встреча!” Мы возмутились, а Макс кротко защищался: опасности никакой не было, так как нас много (нас было человек 8-10), а мы получили бы новое впечатление.

Наконец мы вышли на тропинку, которая привела нас на шоссе, бегом догнали последний поезд, уходивший в Париж. Мы вернулись около часу ночи, усталые, злые, голодные, и все ругали Макса. А он, сконфуженный, бегал от одного кабачка в другой, умоляя хозяев пустить нас закусить. Но перед нашими носами опускали железные шторы на окнах и дверях ресторанчиков, и хозяева добродушно показывали на циферблат часов, где стрелка показывала час ночи.

Тогда Елена Сергеевна Кругликова предложила идти к ней в мастерскую, где Макс, тотчас же успокоившись, весело стал варить жжёнку.

Во время войны мы застряли в России. Макс переселился на нашу парижскую квартиру в Пасси, где жил тогда Бальмонт¹. Мы увидались с ним лишь в 17-м году в Москве. Тогда Нинике минуло 16 лет. Макс встретился с ней так, как будто этих трёх лет не было. У меня тогда начались первые недоразумения с дочерью. Я говорила о них Макс, советовалась, как мне с нею быть: Нина плохо учится в школе, не рисует, хочет бросить музыку, протестует против всего, что исходит от меня. Макс слушал меня, как всегда, внимательно и участливо. “Вечный роман матери с ребёнком”, – произнес он с грустью и горечью, которой я в нём до сих пор не слыхала. “Я думаю, – прибавил он, – что в таких недоразумениях всегда виноваты родители. Они недостаточно знают и уважают своих детей. Матери не подозревают, как они мучают детей своей любовью”. – “Что же я могу сделать, чтобы её не мучить?” – спросила я. “Ей хочется освободиться от Вас, ну и освободите её, пусть делает, что она сама знает”. Я просила Макса повлиять на Нину, хотя бы в том, чтобы она не бросала рисования и музыки. “Нет, – сказал Макс, – влиять я не умею и не хочу. Да это и не нужно. Предоставьте её себе, и она найдёт себя”.

Февральские дни мы проводили с Максом в Москве. Радостные и возбужденные ходили с толпой по улицам, вечера проводили на собраниях у знакомых. Нина не ходила в школу, в чём Макс её поддерживал; она бегала с ним по Москве, забиралась на грузовики, ездила в тюрьмы освобождать заключённых и с восторгом говорила, что Макс один понимает по-настоящему, что такое свобода.

¹ Первую половину 1915 года Волошин жил в Париже вместе с К. Бальмонтом в его квартире на улице де ла Тур.